

Трунов Ф.О.¹, 2022

Политика ФРГ в области безопасности и обороны : трансформация в условиях пандемии COVID-19

Аннотация. Пандемия COVID-19 создала значительные препятствия для осуществления внешней политики государств, в том числе из-за сокращения ресурсной базы. В настоящей статье анализируются схемы и формы государственной деятельности, позволяющие снизить негативное воздействие пандемийного фактора.

Объектом исследования избрана ФРГ, в настоящее время переживающая переломный момент своего развития: завершению «эры» А. Меркель (осень 2021 г.) сопутствует большое количество нерешенных внешнеполитических задач, препятствующих утверждению Германии в роли мировой державы. В статье дается подробный обзор этих задач и предпринимающихся усилий по их решению, представленный по проблемно-географическому принципу. Вопросы, касающиеся «перезапуска» отношений Германии с США при администрации Дж. Байдена, участия ФРГ в наращивании политического и военного потенциала ЕС, а также динамика и характер диалога ФРГ с ведущими европейскими государствами – членами НАТО – Великобританией, Италией и особенно Францией, – разбираются в контексте продолжающегося пандемийного кризиса. Особое внимание

---

¹Трунов Филипп Олегович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИНИОН РАН (1.trunov@mail.ru).

уделяется проблемам, связанным с углублением сотрудничества в рамках германо-французского тандема. Рассматриваются появившиеся в период пандемии трудности и новые возможности для расширения политико-военного присутствия ФРГ в Ливии, а также для его сохранения в странах «Сахельской пятерки», Сирии и Ираке. Анализируются последствия, которые может иметь для Германии решение США реализовать «сделку» с афганским «Талибаном». Акцентируется внимание на стремлении официального Берлина усилить свое влияние на постсоветском пространстве и на Дальнем Востоке в контексте ухудшения отношений с РФ и КНР. В выводах дается оценка активности ФРГ в сфере безопасности и обороны в первый год пандемии.

Ключевые слова: дипломатия, ФРГ, Меркель, ЕС, НАТО, Байден, Франция, Африка, Ливия, Мали, постсоветское пространство, Дальний Восток.

Пандемия COVID-19 стала «стратегическим шоком» для всех без исключения политических игроков. Государства – члены Евро-Атлантического сообщества оказались в центре пандемийного кризиса как по абсолютным, так и – особенно – по удельным показателям (число заболевших к общей численности населения), отстав от незападных держав (прежде всего России) по срокам разработки, запуска в производство и начала массового применения вакцин. К маю 2021 г. страны – участницы ЕС и НАТО пережили три волны пандемии, сопровождавшиеся многочисленными локальными спадами экономического развития, обострением и без того непростых социальных проблем.

Поскольку объективно совокупность этих факторов могла привести к ослаблению влияния (в том числе ухудшению имиджевого восприятия) государств и институтов «коллективного Запада» на мировой арене, необходимо было предпринять эффективные действия по восстановлению утрачиваемых позиций. Однако этому препятствовал целый ряд значимых обстоятельств. Во-первых, неизбежное сужение ресурсной базы для внешнеполитической деятельности как минимум на среднесрочную перспективу, обусловленное как временным «схлопыванием» финансово-экономических возможностей в целом, так и частичным перенаправлением ресурсов, ранее использовавшихся для решения внешнеполитиче-

ских задач, на преодоление внутренних (прежде всего социальных) трудностей. Во-вторых, частичная или даже полная «заморозка» мирополитических процессов и международных хозяйственных связей в период пандемии. Примером может служить временный вынужденный вывод европейскими государствами – членами НАТО и ЕС части своих воинских континентов из состава миссий по миротворчеству и поддержанию мира в ходе первой волны COVID-19 [Major, Schulz, Vogel, 2020, S. 1–2]. В то же время было практически полностью приостановлено развертывание новых военных механизмов борьбы с нестабильностью. Все это создавало благоприятные предпосылки для восстановления, усиления потенциала и перегруппировки структур международного терроризма, особенно посредством сращивания с силами организованной преступности.

В сложившихся обстоятельствах закономерно возникает вопрос: как можно оптимизировать внешнюю политику государства во время пандемии (а также первых постпандемийных лет)? С точки зрения автора, *первая (по хронологии и по значимости) задача* на этом пути – проведение аудита общего положения дел. Нельзя не признать, что продолжающаяся пандемия COVID-19 порождает гнетущее психологическое напряжение. Но можно отметить, что беспрецедентное «замирание» активности на мировой арене позволяет выявить имеющиеся проблемы, обнаружить «узкие места» и оценить достигнутые результаты в использовании различных внешнеполитических инструментов в статике, а не в динамике. *Вторая задача* – определение приоритетных направлений внешнеполитической деятельности, где следует сосредоточить наибольшие усилия, в том числе за счет ослабления активности на менее значимых направлениях. При этом, определяя и резервируя необходимые ресурсы, нужно учитывать, сколь высока вероятность обеспечения «эффекта переплескивания», т.е. достижения успехов на прилежащих (сопредельных) участках.

Пандемия COVID-19 создала серьезные препятствия для использования всех типов внешнеполитических инструментов – экономических, военных, политических. Была значительно ограничена работа посольств и миссий. Проведение переговоров в дистанци-

онном формате не оправдало себя и смогло стать лишь эрзац-дипломатией. Показательно, что с лета 2020 г. даже на фоне второй и третьей волн пандемии дистанционные (бесконтактные) переговоры все чаще стали совмещаться с прямыми (очными) встречами, особенно на высоком и высшем уровнях. Разумеется, возобновить работу того или иного переговорного формата (с участием нескольких десятков людей) существенно проще, чем восстановить деятельность миротворческой миссии с участием сотен и тысяч военнослужащих. Соответственно, в условиях пандемии именно политико-дипломатическая активность государства на мировой арене имеет наибольший и пока не до конца оцененный потенциал.

Степень негативного восприятия пандемии в каждом конкретном государстве зависит не только от показателей распространения вирусной инфекции на его территории, но и того, в какой именно момент *внутри- и внешнеполитического развития* эпидемия «накрыла» страну. Из числа государств – членов ЕС и НАТО особенно примечателен пример Германии. Она оказалась охвачена эпидемией в переломный момент своего развития: осенью 2021 г. после очередных выборов в Бундестаг (26 сентября) завершилась «эра» А. Меркель. Это был длительный отрезок политического развития Берлинской республики (с 2005 г.), характеризовавшийся неуклонным (хотя и со значительными колебаниями скорости и результативности) движением Германии к обретению роли мировой державы, т.е. полновесного глобального игрока. Но это положение отнюдь не было достигнуто в феврале-марте 2020 г., когда Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила о начале пандемии. Соответственно, за оставшиеся полтора года (до осени 2021 г.) руководство ФРГ должно было совершить «стратегический рывок». Планировался ли таковой? Необходимо дать, безусловно, *положительный* ответ, поскольку активность, проявленная официальным Берлином даже в условиях пандемии, указывает на большой объем и высокое качество подготовки к этому «рывку».

Задача данной статьи – исследовать особенности политики ФРГ в области безопасности и обороны в условиях пандемии. Этот вопрос привлекает растущее внимание исследователей – как оте-

чественных, так и иностранных (прежде всего немецких). И хотя первоочередное внимание в исследованиях уделяется экономическим, социальным и внутривнутриполитическим сюжетам, уже появилось достаточное количество работ, посвященных влиянию пандемии COVID-19 на линию поведения Германии на мировой арене. Однако пока все работы «высвечивают» в основном конкретные функциональные или географические аспекты поставленных проблем [Glatz, Kaim, 2020; Lacher, 2021; Major, Schulz, Vogel, 2020; Tull, 2021]. Иными словами, пока еще нет работ, посвященных комплексному изучению трансформации внешней политики Германии. Данная статья представляет собой попытку восполнить данный пробел. Методами исследования избраны сравнительный и ивент-анализы.

«Узкие места» внешней политики ФРГ к началу пандемии

В чем конкретно проявлялась вышеупомянутая «незавершенность» в продвижении Германии к положению мировой державы по состоянию на начало весны 2020 г.?

Внутриполитическую опасность для действующего истеблишмента страны представляло усиление электоральной поддержки крайне правой партии «Альтернатива для Германии» (АдГ). АдГ настаивала на скорейшем и прямолинейном обретении полного внешнеполитического суверенитета (в классическом понимании термина), основанного на первоочередном продвижении национальных интересов страны (т.е. на резком ослаблении связей с партнерами по линии НАТО и особенно ЕС) [Grundsatzprogramm..., 2021]. При этом находящаяся у власти элита (прежде всего руководство ХДС/ХСС) стремилась к реализации противоположного сценария: плавного, основанного на сочетании открытых и латентных форм действий продвижения к положению мировой державы в тесной координации усилий с партнерами по ЕС и НАТО при условии уважения интересов ФРГ.

Что же касается *подготовки ресурсной базы*, требующейся для окончательного утверждения в роли полновесного глобального игрока, то наибольшую трудность представляла необходимость наращивания количественных и качественных параметров бун-

десвера (в частности, было принято решение об оснащении войск вооруженными единицами роботизированной техники). Требовалось восстановить сократившиеся почти вдвое после 2014 г. масштабы военного присутствия бундесвера вне зоны ответственности НАТО и одновременно обеспечить принятие германскими войсками внутри нее функций «рамочной нации» при комплектовании различных группировок.

Ключевой трудностью на уровне Евро-Атлантического сообщества стало существенное ухудшение отношений ФРГ с двумя из трех ведущих западных держав (США, Великобритания, Франция): в случае США этому способствовал «фактор Трампа», в случае Великобритании – Брекзит. Кроме того, в ряде субрегионов «коллективного Запада» (в частности, в Южной Европе) Германия еще не успела закрепиться в положении внешнего, притом органично встроенного гаранта местных системы безопасности.

Аналогичные трудности возникли и *за пределами Евро-Атлантического сообщества* – в тех регионах, где ФРГ уже достаточно долгое время стремилась вносить весомый вклад в решение проблем безопасности. Так, под угрозой оказалось сохранение стратегического присутствия Германии в Афганистане (и тем самым в Центральной Азии в целом) из-за подготовки «стратегической сделки» между «Талибаном» и администрацией Д. Трампа (была оформлена 29 февраля 2020 г.) и последующего наступления «Талибана». В ситуации на Ближнем Востоке, несмотря на предпринятые попытки («Стамбульский формат», «Женева-3»), не удалось обеспечить комплексное решение «сирийской проблемы». В ключевых зонах приложения военных и политико-дипломатических усилий ФРГ в Сахеле – на территориях Мали и особенно Буркина-Фасо – усилились тревожные симптомы деградации ситуации [Unterrichtung..., 2020, S. 11–15]. Кроме того, для дальнейшего упрочения позиций в Северной Африке ФРГ требовалось полноценно встроиться в решение «ливийского вопроса». Наконец, официальный Берлин был заинтересован в выгодной для себя трансформации политического ландшафта западных и южных областей постсоветского пространства. Помимо прочего, существовал еще ряд регионов – прежде всего южная и центральная час-

ти Африки, Дальний Восток, Латинская Америка, – где Германия либо вообще не имела прочных общеполитических и особенно военных позиций, либо предпринимала лишь первые шаги.

И наконец, следует особо обозначить еще одну важнейшую проблему – *нарастание противоречий с незападными державами*, прежде всего с РФ, а в перспективе и с КНР, – производную от ориентированности ФРГ на Евро-Атлантическое сообщество в попытках утвердиться в положении полновесного глобального игрока.

Развитие потенциала ЕС : проверка в условиях пандемии

Первое, что следует отметить: с начала пандемии в рамках платформы PESCO (Постоянное структурированное сотрудничество по вопросам безопасности и обороны ЕС) не было учреждено ни одного нового проектного комитета [Permanent Structured..., 2021]. Более того, был закрыт один из 47 имевшихся комитетов – EU TMCC (Центр по повышению эффективности военно-тренировочных миссий ЕС) (был создан в марте 2018 г.), в котором именно ФРГ являлась «рамочной нацией» [Ibid.]. Чем это объяснялось? Прежде всего трудностями и даже неудачами в работе ряда военно-тренировочных миссий ЕС в Африке. Так, в марте 2018 г. ФРГ свернула свое участие в военно-тренировочной миссии EUTM Somalia, занимавшейся подготовкой и переподготовкой кадров армии Сомали (сама миссия работу продолжила). В 2019 г. германские военные были временно эвакуированы из лагерей подготовки курдских военизированных формирований пешмерга и войск официального Багдада в Ираке (с последующим возвратом). А в августе 2020 г. военные в Мали оттеснили от власти президента И.-Б. Кейту (во многом воспроизведя переворот 2012 г.), что де-юре поставило под сомнение деятельность военно-тренировочной миссии EUTM Mali, в которой ФРГ играла роль «рамочной нации» [Unterrichtung..., 2020, S. 5–8]. В рамках PESCO существует еще девять проектных комитетов, созданных для повышения эффективности различных военных учений и тренировок. Однако ни один из них не занимается развитием возможностей государств – членов ЕС по подготовке войск и сил безопасности стран, расположенных

за пределами Евро-Атлантического сообщества [Permanent Structured..., 2021].

Прекращение работы проектного комитета EU TMCC, разумеется, не означает, что Германия откажется от развития данного направления в работе PESCO – вероятнее, в настоящее время она стремится найти более эффективные формы его реализации, чем было в комитете EU TMCC.

В целом нельзя утверждать, что интерес ФРГ к PESCO значительно снизился. Отказ от создания новых проектных комитетов в период пандемии скорее объясняется тем, что с ноября 2017 г. (когда платформа была запущена) по ноябрь 2019 г. число комитетов и так увеличилось с 17 до 47, причем некоторые функционально частично дублировали друг друга. Закономерное отлаживание системы комитетов, в логику которого укладывается и закрытие одного из них, свидетельствует скорее о прогрессивной динамике развития PESCO в целом. Косвенное подтверждение тому – публикация в декабре 2020 г., т.е. в разгар второй волны COVID-19, первого годового доклада, подготовленного в рамках инициативы CARD (Coordinated Annual Review on Defence) – стратегической программы координации усилий стран – участниц ЕС в области военных расходов, планирования и сотрудничества, учрежденной еще в 2016 г. при активном участии Министерства обороны ФРГ [Coordinated..., 2021]. Здесь, как и в случае PESCO, в период пандемии проявилась следующая тенденция: ФРГ стремилась на практике реализовывать те многочисленные инициативы по укреплению потенциала ЕС, которые либо были задекларированы, либо только начинали претворяться в жизнь до 2020 г. Показательно также, что единственная военная миссия с участием бундесвера, мандат которой был продлен в период пандемии (операция IRINI), развернута именно под эгидой Европейского союза [Antwort..., 2020, S. 2–3].

Укреплению позиций ФРГ в ЕС способствовало и то, что председателем Европейской комиссии с 1 декабря 2019 г. стала У. фон дер Ляйен – экс-министр обороны Германии (2013–2019), входившая в ближайшее окружение А. Меркель. Перейдя с национального уровня политики на наднациональный, она сохра-

нила тесные переговорные контакты с А. Меркель: их прямые и удаленные (по телефону и в режиме видеоконференций) консультации, проходившие как минимум ежемесячно, способствовали продвижению интересов ФРГ на уровне ЕС. Кроме того, во второй половине 2020 г. Германия (согласно сложившейся очередности) на шесть месяцев стала председателем Совета Европейского союза. Сфокусированность стран – участниц ЕС и мирового сообщества в целом на борьбе с COVID-19 позволила Европейскому союзу легче пройти момент формального выхода Великобритании из объединения (1 февраля 2020 г.), а также принесла официальному Берлину ряд имиджевых преимуществ. Кроме того, тесные контакты А. Меркель и У. фон дер Ляйен в значительной степени «ускользнули» от внимания общественности, что позволило избежать критики в «германизации» ЕС.

Диалог с США : перспективы нового подъема

Пандемия привела к снижению давления на ФРГ со стороны США – прежде всего по линии Североатлантического альянса. Президент Д. Трамп был вынужден сосредоточиться на преодолении резко обострившихся внутренних проблем (особенно с учетом антирекордов США по числу умерших от COVID-19 среди стран мира).

Наиболее чувствительными для ФРГ стали два внешнеполитических шага, предпринятых в 2020 г. администрацией Д. Трампа. Первый из них – заключение «сделки» между Белым домом и «Талибаном» (29 февраля 2020 г.), подразумевавший вывод войск США из Афганистана в 14-месячный срок. Выполнение «сделки» вынудило бы ФРГ свернуть деятельность контингента бундсвера («потолок» в 1,3 тыс., реальная численность – 1,0–1,2 тыс. военнослужащих) в составе миссии «Resolute Support» под эгидой НАТО в Афганистане, чего официальный Берлин хотел бы избежать [Glatz, Kaim, 2020].

Второй шаг – в очередной раз озвученный Д. Трампом в конце июля 2020 г. план по выводу части войск США из ФРГ (как в Польшу, так и на родину). В 2018 г. Д. Трамп уже выступал с подобным предложением, но затем отказался от него. При этом в

2020 г. администрация США значительно увеличила численность планируемых к выводу войск: 12 тыс. солдат и офицеров (примерно 1/3 группировки войск США в Германии), в том числе единственное наземное соединение бригадного типа – 2-й бронекавалерийский полк усиленного состава [Dickstein, 2020].

В отношении обеих инициатив Д. Трампа официальный Берлин вначале занял выжидательную позицию, предполагая, что, во-первых, введение многочисленных карантинных мер для борьбы с COVID-19 (соблюдение которых было особенно важно в войсковых подразделениях, учитывая естественную скученность личного состава) существенно ограничивает возможности трансконтинентальной передислокации группировок и, во-вторых, в высших кругах профессиональных военных США идея о резком ослаблении уровня военного присутствия США в ФРГ будет воспринята с неприятием. Реализация инициативы Д. Трампа в существенно большей степени повредила интересам Соединенных Штатов, нежели Германии: исключительно выгодное географическое положение ФРГ в глубине зоны ответственности НАТО позволяет использовать ее территорию в качестве огромного логистического хаба для развертывания сил и средств США в различных регионах мира – в Восточной Европе, Африке, на Ближнем и Среднем Востоке. К примеру, в ФРГ размещается не только европейское (EUCOM), но и африканское командование (AFRICOM) войск США. Восстановить же военное присутствие США на территории ФРГ (если бы вывод войск все-таки состоялся) было бы непросто, принимая во внимание растущее критическое отношение германской общественности к такому сценарию.

В данной связи весьма показательны два факта. Во-первых, именно Германия была избрана местом первоначального сосредоточения войск США при отработке их трансатлантической переброски и развертывания в Европе в рамках учений ««Defender Europe» в 2021 г. [South, 2021]. Во-вторых, в октябре 2020 г. на территории ФРГ были проведены неафишируемые властями военные учения «Steadfast Noon», в ходе которых самолеты люфтваффе, помимо прочего, отрабатывали элементы применения американского тактического ядерного оружия [Минобороны России..., 2020].

Тем самым США продемонстрировали готовность обеспечить ФРГ, де-юре добровольно отказавшейся от владения, производства и распоряжения ОМУ/ОМП (согласно договору об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г.), доступ к своему ядерному арсеналу. Военный истеблишмент США осуществил этот шаг, действуя, по сути, вразрез с официальным курсом Д. Трампа в отношении ФРГ. Стоит отметить, что это произошло не только в преддверии выборов президента Соединенных Штатов, но и на фоне очередной (второй) волны COVID-19.

Пандемия COVID-19, как фактор, отвлекающий внимание не только общественности ФРГ, но и всех государств мира, использовалась для реализации комплекса мер по резкому качественному усилению потенциала бундесвера – учения «Steadfast Noon» были лишь одной из них. Весной 2020 г., во время первой волны пандемии, в ходе открытых (т.е. с приглашением независимых экспертов) семинаров Министерства обороны ФРГ был «обкатан» вопрос об оснащении бундесвера вооруженными (разведывательно-ударными, ударными) беспилотными летательными аппаратами (БПЛА) [Becker, 2020], притом что общественно-политическая дискуссия по этому поводу велась как минимум с 2013 г. А осенью 2020 г., на фоне уже второй волны COVID-19, руководство ХДС/ХСС, обеспечив преобладание положительных отзывов среди приглашенных экспертов, а также заручившись поддержкой фракции СДПГ – своего партнера по «большой коалиции», инициировало обсуждение этого вопроса уже в Бундестаге [Experten..., 2020].

При этом стремление к качественному усилению бундесвера сочеталось с ростом количественных показателей военной мощи ФРГ, значительно ускорившимся в 2020 г., как видно из приведенных ниже таблиц.

Таблица 1

**Динамика военных расходов крупнейших европейских
государств – членов НАТО и США (в млн долл.)**

Страна	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г. ¹
Великобритания	65 658	59 492	56 154	55 674	60 307	59 365	61 847
Германия	46 164	39 829	41 618	45 486	49 750	52 343	58 999
Италия	24 481	19 574	22 388	23 911	25 629	23 556	26 114
США	653 942	641 253	656 09	642 933	675 255	730 149	784 952
Франция	52 009	43 492	44 221	46 150	50 484	49 795	52 814

Составлено автором на основе: [Defence expenditure..., 2021, p. 7].

Таблица 2

Изменение доли военных расходов (в % от ВВП)

Страна	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Великобритания	2,14	2,03	2,08	2,09	2,11	2,10	2,32
Германия	1,19	1,19	1,20	1,23	1,25	1,36	1,56
Италия	1,14	1,07	1,18	1,20	1,23	1,18	1,39
США	3,73	3,52	3,51	3,30	3,27	3,51	3,73
Франция	1,82	1,78	1,79	1,78	1,81	1,83	2,04

Составлено автором на основе: [Defence expenditure..., 2021, p. 8].

Таблица 3

**Распределение военных расходов ФРГ
по группам статей (в %)**

Рсходы	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Закупка ВиВТ	12,94	11,93	12,21	11,77	12,36	14,69	16,87
Содержание лич- ного состава	50,67	49,86	48,35	48,96	47,99	45,26	42,04
Развитие инфра- структуры	3,75	3,60	3,39	4,06	4,15	3,99	3,68
Иное	32,63	34,61	36,05	35,20	35,49	36,06	37,41

Составлено автором на основе: [Defence expenditure..., 2021, p. 13, 14].

¹ Здесь и далее в таблицах – оценочные данные на 2020 г.

Несмотря на существенный (и закономерный при введении локдаунов) спад ВВП ФРГ (свыше 5,5% в 2020 г., по предварительным оценкам) (см.: [Defence expenditure..., 2021, p. 10]), официальный Берлин вошел в первую тройку стран – участниц НАТО по объему военных расходов (с перспективой занятия второй позиции), хотя в удельном отношении этот показатель еще существенно ниже 2,0%. Трансформировалась и структура расходов – к 2021 г. резко (на треть) возросли затраты на приобретение новых вооружений и военной техники (ВиВТ), а также расходы на учения и миссии вне зоны ответственности НАТО (категория «иное»). Эти меры реализовывались за счет сокращения доли средств на содержание личного состава, притом что в абсолютном измерении они, наоборот, возрастали (из-за повышения уровня зарплат и набора дополнительных континентов на службу) (см. табл. 4). Рост безработицы (также закономерный при введении локдаунов) с высокой долей вероятности облегчит решение проблемы увеличения численности бундесвера, что позволит приступить к осуществлению планируемой программы формирования новых частей и соединений, особенно в сухопутных войсках.

Таблица 4

**Динамика изменения численности личного состава
крупнейших европейских государств – членов НАТО и США
(в тыс. военнослужащих)**

Страна	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Великобритания	168,7	141,4	139,5	149,4	146,6	144,4	156,2
Германия	178,8	177,2	177,9	179,8	181,5	182,0	186,9
Италия	183,5	178,4	176,3	174,6	174,1	176,4	175,5
США	1 338,2	1 314,1	1 301,4	1 305,9	1 317,4	1 339,0	1 346,0
Франция	207,0	204,8	208,1	208,2	208,2	207,8	208,0

Составлено автором на основе: [Defence expenditure..., 2021, p. 12].

На первый взгляд может показаться, что отмеченные тенденции – результат давления, которое оказывала на ФРГ админи-

страция Д. Трампа, требовавшая увеличить военные расходы (прежде всего по закупкам ВиВТ, производимых в США). Однако такое мнение скорее ошибочно. Увеличение ресурсов «военной машины» прежде всего необходимо самой Германии для подкрепления ее амбиций на уровне Евро-Атлантического сообщества и на международной арене в целом, тем более что в 1990-е – середине 2010-х годов все показатели бундесвера только сокращались. Показательно, что увеличение военных расходов не вызывает критики крайне правой оппозиции – напротив, АдГ их молчаливо поддерживает. Есть целый ряд факторов, свидетельствующих о том, что отнюдь не давление Белого дома при Д. Трампе стало главной причиной наращивания потенциала «военной машины» ФРГ. Во-первых, плавный (традиционный для официального Берлина), а не скачкообразный (в стремлении быстрее учесть требования партнера) характер роста. Германия планомерно движется к уровню военных расходов в 2% от ВВП, хотя к 2021 г. еще не достигла его – по этому показателю, который Д. Трамп считал таким важным, она отстает от США, Великобритании и Франции. Резкий рост военных расходов ФРГ в 2020 г. обусловлен прежде всего тем, что инертная система принятия и реализации решений в сфере безопасности и обороны наконец завершила перестройку (это произошло в 2017–2018 гг.) и «разогналась». Во-вторых, отсутствие влияния «фактора COVID-19» на наметившуюся ранее динамику (более того, она стала отчетливее). Это свидетельствует о масштабе и долгосрочном характере заинтересованности элиты ФРГ в наращивании потенциала бундесвера, притом что, как уже отмечалось, именно в 2020 г. давление США на Германию по линии НАТО ослабло из-за связанных с пандемией проблем и подготовки к президентским выборам.

Истеблишмент ФРГ исключительно позитивно воспринял победу кандидата от Демократической партии Дж. Байдена на президентских выборах в США. Уже в первую неделю после инаугурации Дж. Байдена – 25 января 2021 г. – состоялись его телефонные переговоры с А. Меркель. Стороны продемонстрировали повышенный взаимный интерес к развитию отношений, их скорейшему выходу из того кризисного состояния, в котором они

оказались при администрации Д. Трампа. Канцлер приветствовала решения нового президента по возвращению США во Всемирную организацию здравоохранения и Парижское соглашение по климату (откуда они вышли при Д. Трампе). При обсуждении проблем безопасности и обороны стороны уделили особое внимание афганскому (реализация «сделки» с «Талибаном») и иранскому (перспективы сохранения Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД)) вопросам. А. Меркель пригласила Дж. Байдена совершить государственный визит в ФРГ, как только позволит ситуация с COVID-19 [Telefonat zwischen..., 2021] (Д. Трамп не получал такого приглашения в принципе).

Администрация Дж. Байдена сразу сняла с повестки дня вопрос о сокращении группировки войск США в Германии. В начале февраля 2021 г. Белый дом заявил о возможном возвращении в «ядерную сделку» с Ираном и одновременно отметил, что окончательное решение по реализации договоренностей с «Талибаном» еще не принято [В США заявили..., 2021]. Эти шаги полностью отвечали интересам официального Берлина; более того, они показывали выигрышность его тактики по «сбережению» СВПД (в основном в рамках «Е3», т.е. совместно с Великобританией и Францией) и оставляли возможность сохранить военное присутствие ФРГ в Афганистане.

24 февраля 2021 г. мандат бундесвера в составе миссии «Resolute Support» в Афганистане был продлен на 12 месяцев с сохранением прежнего «потолка» контингента (1,3 тыс. военнослужащих) и его задач [Antrag..., 2021, S. 1–3]. Это, однако, вызвало критику со стороны германского экспертного сообщества (см., напр.: [Lacher, 2021]), высказывавшего небезосновательные сомнения в том, что администрация Дж. Байдена действительно готова отказаться от «сделки» с «Талибаном». Показательно, что к весне 2021 г. в Афганистане осталось де-юре всего 2,5 тыс. (де-факто 3,5 тыс.) германских военнослужащих, т.е. гораздо меньше, чем в 2017–2019 гг. (14,0 тыс.) [Ryan, DeYoung, 2021]. В середине апреля 2021 г. Белый дом принял окончательное решение – выполнить договоренности с «Талибаном», т.е. полностью вывести из Афганистана американские войска, не желая продолжать боевые дейст-

вия; при этом срок окончательного вывода войск был перенесен с 1 мая на 11 сентября 2021 г. [Ryan, DeYoung, 2021]. Поскольку в Вашингтоне прекрасно понимали, что германский истеблишмент весьма негативно воспримет этот шаг, который неизбежно потребует принятия аналогичных мер со стороны ФРГ, то накануне объявления о выводе войск США из Афганистана в Берлин с визитом прибыл военный министр США Л. Остин. Стремясь «подсластить пилюлю», он подчеркнул, что Соединенные Штаты исключительно заинтересованы в сотрудничестве с НАТО в целом и с Германией в особенности, и подкрепил свои слова заявлением об увеличении военного присутствия США в Германии на 500 военнослужащих [US-Amtskollege..., 2021] (в данном случае был важен не столько масштаб, сколько антигрампистский символизм).

Официальный Берлин, в свою очередь, постоянно подчеркивает собственную заинтересованность в дальнейшем наращивании мощи и глобального влияния США при условии их «мягкого» лидерства, что в целом имело место при Б. Обаме и скорее всего будет наблюдаться при администрации Дж. Байдена. Одновременно ФРГ выступает против попыток США перейти к гегемонии, т.е. к жесткому навязыванию своей позиции, как это было при Д. Трампе [Pressekonferenz..., 2021]. В данной связи важно подчеркнуть изменение «разницы потенциалов» в положении обеих стран: в настоящее время позиции (и ресурсная база) ФРГ относительно США существенно укрепились. Иными словами, при администрации Дж. Байдена Германия более влиятельна, чем была при администрациях Д. Трампа (чему его политика в немалой степени де-факто поспособствовала) и тем более Б. Обамы.

Несмотря на трудности, вызванные пандемийным кризисом, стремление официального Берлина к более равноправным, точнее – равновесным отношениям с Белым домом остается неизменным. Показательно, что не только в последние месяцы пребывания Д. Трампа у власти, но и после прихода в Белый дом Дж. Байдена А. Меркель настойчиво продвигала тезис о всесторонней заинтересованности ФРГ в укреплении суверенитета Европейского союза [Pressekonferenz..., 2021]. При этом Германия продолжала планомерно наращивать усилия (и финансовые ассигнования) в рамках

НАТО: она заняла второе место (после США) по числу военнослужащих в составе группировок внутри зоны ответственности Альянса и миссий вне его зоны ответственности (в частности, «Resolute Support»). На многих направлениях деятельности НАТО ФРГ стремилась играть роль «рамочной нации» [Positionspapier..., 2021, S. 2–4].

События 2020–2021 гг. показали, что официальный Берлин готов наиболее активно поддерживать США на тех направлениях деятельности НАТО, где эта поддержка необходима для сохранения (Средний Восток) или обеспечения (Дальний Восток) общеполитического и особенно – военного присутствия ФРГ вне зоны ответственности Альянса. Официальный Берлин выступает в поддержку оздоровления и укрепления трансатлантических отношений с прагматических позиций, но это прагматизм совершенно иного рода, чем прагматизм Белого дома при Д. Трампе.

Особенности взаимоотношений ФРГ с крупнейшими европейскими государствами – членами НАТО в условиях пандемии

Существенно меньшим оказался прогресс в развитии диалога Германии с Великобританией. С одной стороны, официальный Берлин неоднократно заявлял, что Соединенное Королевство остается одним из ведущих партнеров ФРГ в области безопасности и обороны [Positionspapier..., 2021, S. 2]. В 2020–2021 гг. к сотрудничеству сторон по сохранению СВПД (в рамках формата «Е3» с участием Франции) добавилось взаимодействие по урегулированию «ливийского вопроса» (в формате «Е4», куда также входила Италия) [Gemeinsame Erklärung..., 2020]. С другой стороны, после Брекзита двусторонние контакты на высшем уровне свелись к минимуму: весной–осенью 2020 г. А. Меркель лишь однажды (в преддверии празднования дня окончания Второй мировой войны в Европе) созвонилась с Б. Джонсоном. Однако и существенное «похолодание» отношений, и даже сам Брекзит оказались «закамуфлированы» пандемией.

Во второй половине 2010-х годов Германия, подчеркивая свое негативное отношение к будущему (на тот момент) выходу Великобритании из ЕС, демонстрировала заинтересованность в

запуске «альтернативной евротройки», в которой место официального Лондона занимал Рим. Если группа «Е3» (с участием Соединенного Королевства) вела переговоры по иранской ядерной программе, то «Е4» – по развитию ракетного вооружения Ирана [Meier, 2019]. Однако уже в конце 2010-х годов обозначились четкие границы возможного германо-итальянского сближения, лимитированные критическим восприятием деятельности ФРГ по укреплению своих позиций в Евро-Атлантическом сообществе и мире в целом (в частности, попытки получить постоянное место в Совете Безопасности ООН) со стороны официального Рима.

В целом в своей внешнеполитической деятельности внутри Евро-Атлантического сообщества в период пандемии ФРГ уделяла наибольшее внимание повышению практической дееспособности ЕС в общеполитической и военной сферах, в том числе вопросам, касающимся перераспределения полномочий ЕС и НАТО. Проводилась тщательная «сверка часов» (вплоть до определения компетенций конкретных предприятий) по ходу совместной разработки перспективных образцов военной техники: средневысотного «евродрона» (работу курировал профильный проектный комитет с ФРГ в роли «рамочной нации», действовавший на платформе PESCO), истребителя VI поколения и нового основного боевого танка; официальный Берлин проявлял повышенную заинтересованность в ускорении движения по всем этим направлениям [Pressekonferenz..., 2021].

На углубление контактов в рамках германо-французского тандема пандемия оказала лишь временное негативное воздействие, в основном в период первой волны COVID-19. Символично, что после спада этой волны первые прямые переговоры на высшем уровне А. Меркель провела именно с президентом Франции Э. Макроном (29 июня 2020 г.), при этом Германия была принимающей стороной [Pressekonferenz..., 2020]. Уже к осени 2020 г. интенсивность (частотность) германо-французских встреч на высшем уровне (сочетание прямых и дистанционных переговоров) стала такой же, как до начала пандемии. В феврале 2021 г. возобновилась полноценная работа Германо-французского совета по вопросам

обороны и безопасности (предыдущая встреча на высшем уровне прошла в августе 2019 г.).

Вне Евро-Атлантического сообщества количество страновых и региональных направлений сотрудничества германо-французского тандема не только не уменьшилось, но, наоборот, возросло: в настоящее время их число существенно превышает показатели аналогичных взаимодействий ФРГ с США (даже с администрацией Дж. Байдена) и тем более Великобританией и Италией. Разделяя взаимную обеспокоенность ростом террористической угрозы из нестабильных стран Азии и Африки, стороны нарастили (под эгидой ЕС) свое военно-морское присутствие в Средиземном море (в формате поисков политического решения «ливийского вопроса»). Во время пандемии исключительно интенсивным оставалось германо-французское взаимодействие в Северной Африке (уже с декабря 2020 г.) и в Сахеле (с начала 2021 г. – даже на фоне силовой смены власти в Мали). А. Меркель неизменно выражала свое одобрение по поводу силового использования французских сил специальных операций (ССО) в рамках операции «Barkhane» в странах «Сахельской пятерки», хотя при этом ФРГ продолжала воздерживаться от силового применения собственных войск (о чем неоднократно настоятельно просил официальный Париж) [Tull, 2021]. Чтобы это компенсировать, Германия, во-первых, восстановила численность своего контингента в составе миротворческой миссии MINUSMA до предпандемийного уровня (и запланировала сделать то же самое для военно-тренировочной миссии EUTM Mali) и, во-вторых, стала предоставлять оружие, финансовую поддержку и услуги своих специалистов для оказания помощи в развертывании мобильных полицейских групп в Мали и Нигере, а также приступила к созданию центра подготовки местных ССО в малийском Севаре [Pressekonferenz..., 2021].

Тенденция к углублению взаимодействия наблюдалась и на других региональных направлениях: германо-французский тандем продолжал поиск путей урегулирования конфликтов в Сирии (без особого успеха) и Ираке и одновременно стал уделять повышенное внимание ситуации в Ливане и в зоне арабо-израильского конфликта в целом [Pressekonferenz..., 2020]. На Среднем Востоке

«окно возможностей» для координации усилий было более узким: с одной стороны, официальный Париж был неизменным партнером ФРГ на различных переговорах с Ираном, с другой – Германии приходилось в одиночку решать задачу сохранения своего военного присутствия в Афганистане (еще с 2015 г.).

Германия и Франция достаточно тесно координировали свои усилия на постсоветском пространстве прежде всего в ходе событий, последовавших за проведением президентских выборов в Белоруссии [Pressekonferenz..., 2020]. Кроме того, стороны обозначили намерение совместно приступить к решению амбициозной задачи – провести комплекс мер по обеспечению свободного и безопасного судоходства в морях Восточного полушария, прежде всего в Азиатско-Тихоокеанском регионе [Pressekonferenz..., 2021].

Однако в сотрудничестве германо-французского тандема сохраняется достаточное количество «узких мест»: некоторые германские исследователи (в частности, из «мозгового треста» «Фонд науки и политики») критикуют недостаточно эффективную политику Франции в Сахеле и Ливии и увеличение объемов помощи, которую ей требуется оказывать [Lacher, 2021; Tull, 2021]. Эта проблема может еще более обостриться с учетом того, что пандемия оказывает значительно более масштабное негативное влияние на Францию, чем на Германию.

Перспективы сохранения политико-военного присутствия ФРГ за пределами Евроатлантики

На ливийском направлении крупным успехом германской дипломатии стал запуск Берлинской конференции (19 января 2020 г.). Институционально этот формат объединил не только «треугольник» ООН – ЕС – АС (Африканский союз), но и ЛАГ (Лигу арабских государств). В работе Берлинской конференции приняли участие помимо государства-организатора и пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН ведущие региональные игроки, оказывающие влияние на ход гражданской войны в Ливии, – Египет и ОАЭ (поддерживали Ливийскую национальную армию (ЛНА) Х. Хафтара), Алжир и Турция (оказывали помощь правительству национального согласия (ПНС) Ф. Сарраджа), а также Демократическая Республика Конго. Иными словами, состав Бер-

линской конференции позволял реально продвинуться по пути урегулирования при достижении согласия сторон. На переговорах 19 января 2020 г. были приняты решения о запуске межливийского диалога (по пяти представителей от ЛНА и ПНС), введении режима прекращения огня и введении эмбарго на поставки оружия и боеприпасов в Ливию [Antrag..., 2020, S. 4–6]. Показательно, что первая волна пандемии не стала препятствием для продолжения диалога А. Меркель с Ф. Сарраджем и Х. Хафтаром, – в частности, А. Меркель провела личные переговоры с Х. Хафтаром 10 марта 2020 г., т.е. через месяц после того, как сама отказалась от зарубежных поездок из-за распространения COVID-19 [Ibid.].

31 марта 2020 г. при активном участии Германии (и Франции) было принято решение (на уровне ЕС) о запуске военноморской операции IRINI; несмотря на карантинные ограничения, к середине мая началось активное развертывание сил этой миссии [Antwort..., 2020, S. 3–4]. Основная задача миссии – мониторинг и пресечение поставок оружия (и транспортировки боевиков) в Ливию, для чего действия на море (с участием фрегата ВМС ФРГ) предполагалось сочетать с проведением воздушной разведки. Одновременно миссия IRINI (которая в данном отношении заменила завершившуюся операцию SOPHIA) должна была пресекать неконтролируемое перемещение беженцев и мимикрирующих под них террористов из Африки в страны – участницы ЕС. Необходимо подчеркнуть, что IRINI – единственная миссия с участием бундесвера («потолок» континента – 0,3 тыс. военнослужащих), запущенная в период пандемии [Ibid.], что говорит о возросшей важности ливийского направления во внешней политике Германии.

В октябре–ноябре 2020 г. ФРГ (в составе группы «Е4») оказывала содействие «ветвлению» межливийских переговоров (в частности, запуску диалогового форума в Тунисе 7–15 ноября 2020 г.), а также формированию в Ливии, стремящейся перейти к постконфликтной стадии развития, новой вертикали власти [Gemeinsame Erklärung..., 2020].

Важно отметить, что Берлинская конференция (как и «Боннский процесс» по Афганистану в 2001–2005 гг.) стала символом растущей дееспособности ФРГ на глобальном уровне. Вместе с тем,

несмотря на определенные успехи, на пути к урегулированию в Ливии имеются значительные трудности. Одно из «узких мест» – вопрос о форме и принципиальной возможности изъятия массы стрелкового оружия у ливийского населения. Кроме того, до сих пор не полностью пресечена циркуляция боевиков из стран Сахеля в Ливию и обратно [Tull, 2021]. Непростым является также вопрос о выводе из Ливии турецких военизированных формирований. Эти проблемы невозможно решить без запуска наземной миссии, к чему ФРГ, очевидно, не готова.

Сложности, связанные с наличием подобного рода «узких мест», вкупе с возможностью радикальных сил пополнять свои ряды, перегрупушиваться в условиях временного ослабления международных миротворческих усилий весной–осенью 2020 г. (ливийское направление стало скорее исключением) увеличили риск деградации обстановки во многих зонах нестабильности, и для ФРГ, стремящейся сохранить активную роль в процессах урегулирования, это стало серьезной проблемой – особенно с учетом традиционной неготовности официального Берлина к силовому применению войск, их втягиванию в сколько-нибудь интенсивные боевые действия с возможными существенными боевыми потерями. На практике это привело к увеличению зависимости Германии от Франции (в странах «Сахельской пятерки») и от США (в Афганистане).

В Мали 18–19 августа 2020 г. произошла смена власти: военные отстранили от власти президента И.-Б. Кейту и правительство. Поводом (и причиной) для этого было недовольство военных неудовлетворительными результатами борьбы с международным терроризмом в Мали, в том числе низкой эффективностью использования огромной разноплановой внешней помощи (включая военную). Официальный Берлин, активно участвовавший в предоставлении помощи Мали, уже с 2019 г. демонстрировал растущий скепсис в отношении властей в Бамако, однако силовую смену власти воспринял де-юре крайне негативно. Военный переворот не просто делегитимизировал власть в Мали, но формально возвратил страну к ситуации 2012 г. (когда военные также оттеснили президента от власти). Тем более показательна линия поведения

ФРГ (в целом близкая к французской): с одной стороны, официальный Берлин осудил сам факт смены власти в Мали, настаивая на немедленном освобождении арестованных высших чиновников [Auswärtiges Amt..., 2020 b], с другой – не свернул и не «заморозил» ни одно из направлений сотрудничества с Мали, несмотря на то что военные не торопились обеспечивать переход от временных к постоянным органам власти. Более того, как уже отмечалось, с зимы 2020 г. общеполитическая и военная активность ФРГ значительно интенсифицировалась; причем усилился возникший еще до COVID-19 «эффект переплескивания»: возрастающие усилия прилагались не только в Мали, но также в Нигере, Буркина-Фасо с перспективой их «переплескивания» также на Чад [Pressekonferenz..., 2021].

Чем это было обусловлено? Во-первых, ФРГ вложила огромные ресурсы (финансовые, военные, дипломатические) в обеспечение мира в странах «Сахельской пятерки», выступая внешним гарантом их безопасности. Ключевым направлением, без которого рухнула бы вся система обеспечения присутствия ФРГ в Сахеле, было именно малийское. Очевидно, что официальный Берлин не был готов утратить с таким трудом наработанные позиции. Во-вторых, силовая смена власти стала жестким, но все же достаточно эффективным способом «перезапустить» урегулирование в Мали, которое к началу 2020 г. объективно стало заходить в тупик [Unterrichtung..., 2020, S. 15–17]. При этом продолжающаяся пандемия (вскоре после военного переворота в Мали стартовала вторая волна COVID-19) смягчила негативное имиджевое восприятие малийских событий со стороны международного сообщества.

На сирийском и иракском направлениях ФРГ проявила меньшую активность. Ввиду существующего риска частичного восстановления позиций «Исламского государства» в Ираке и в Сирии необходимость выстраивания кооперативной модели безопасности на данном направлении с участием как стран «коллективного Запада» и их партнеров, так Ирана и России становится все более очевидной. Однако пока официальный Берлин не продемонстрировал готовности к выстраиванию таковой системы, без чего обес-

печение его собственного присутствия на сирийско-иракском направлении может «повиснуть в воздухе».

В Афганистане после окончательного решения администрации Дж. Байдена выполнить «делку» с «Талибаном» Германии пришлось в срочном порядке (к 1 июля 2021 г.) организовывать экстренную эвакуацию контингента бундесвера, причем в крайне неудачное для этого время – в период окончания «эры» А. Меркель. Представляется, что именно итоговые неудачи на афганском направлении стали одной из главных причин провального выступления блока ХДС/ХСС на выборах 26 сентября 2021 г.: на их фоне нелегко было избежать очевидных вопросов о целесообразности трат огромных ресурсов (прежде всего финансовых и военно-людских) на протяжении двух десятилетий на афганском направлении.

Эволюция отношений с незападными державами : от одной холодной войны к двум сразу?

В начале 2020-х годов значительно ухудшились отношения ФРГ с РФ; появились признаки аналогичного ухудшения отношений с КНР. Одна из ключевых причин этого – попытки официального Берлина (фактические или пока лишь подготавливаемые) усилить свое присутствие в регионах, имеющих жизненно важное значение для двух данных держав – на постсоветском пространстве и на Дальнем Востоке.

В августе-декабре 2020 г. Германия пыталась содействовать трансформации политического ландшафта западной и южной части постсоветского пространства в выгодном для себя отношении по трем направлениям.

– Во время событий в Белоруссии, последовавших за проведением 6 августа президентских выборов, ФРГ (тесно координируя свои действия с Литвой) оказывала политико-дипломатическую поддержку белорусской оппозиции, отказавшейся признать победу действующего главы страны А.Г. Лукашенко. Однако встреча А. Меркель с лидером оппозиции С. Тихановской состоялась лишь 6 октября 2020 г. [Тихановская..., 2020]. Ключевое значение имели телефонные переговоры А. Меркель и президента России В.В. Путина 18 августа 2020 г.: канцлер подчеркнула резко негативное от-

ношение ФРГ к перспективе возможного появления российских войск в Белоруссии. В свою очередь, глава РФ явственно обозначил недопустимость развития нестабильности (особенно по украинскому сценарию 2014 г.) на территории Белоруссии (как части Союзного государства) и указал на необходимость деинтернационализации белорусских событий [Bundeskanzlerin Merkel..., 2020].

- «Разморозка» вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе в сентябре-октябре 2020 г. стала для ФРГ «стратегическим шоком». Несмотря на выстраивание доверительных отношений с премьер-министром Армении Н. Пашиняном, в оценке текущего конфликта ФРГ заняла равноудаленную позицию, подчеркивая лишь неприемлемость присутствия в Нагорном Карабахе турецких военных [Auswärtiges Amt..., 2020 a]. В отличие от других западных стран – участниц Минской группы ОБСЕ по поиску путей мирного урегулирования Карабахского конфликта (особенно США и Франции), Германия не сыграла заметной роли в урегулировании, ограничившись поддержкой соглашений о примирении и прекращении огня, достигнутых при определяющем участии России.

- Развитие ситуации в Приднестровье в целом отвечало интересам ФРГ. М. Санду (известная своей ориентацией на ЕС в целом и Германию в частности) после своей победы на президентских выборах в Молдове выдвинула инициативу о выводе российских миротворцев из Приднестровья [Майя Санду..., 2020]. Теоретически это открывает возможность для вхождения Приднестровья в состав единого федеративного молдавского государства, соблюдающего уже подписанное официальным Кишиневом соглашение об ассоциации с ЕС (2014). Однако на практике именно этот фактор усложняет урегулирование Приднестровского конфликта; вывод же российского континента может привести к возвращению конфликта в «горячую» стадию.

В целом попытки ФРГ расширить круг своих партнеров в западной и южной частях постсоветского пространства оказались неудачными. При этом они сопровождались резким ухудшением российско-германских отношений; главным «раздражителем» стало сугубо политизированное «дело Навального» [Telefonat von

Bundeskanzlerin..., 2021]. Накануне 75-летия Победы (2020) А. Меркель провела традиционный телефонный разговор с В.В. Путиным (что было логично в условиях пандемии), однако не прибыла на ежегодный парад, перенесенный из-за COVID-19 на 24 июня 2020 г. Более того, в последующие полгода ФРГ провела учения с использованием самолетов люфтваффе по отработке элементов применения тактического ядерного оружия (с базы США) и вплотную приблизилась к положительному решению вопроса об оснащении бундсвера боевыми дронами. Эти шаги шли вразрез с положениями Договора об окончательном урегулировании в отношении Германии (1990) и ее исторической ответственностью за агрессию во Второй мировой войне, в которой СССР понес наибольшие потери. На этом фоне российская сторона особенно чувствительно воспринимала неготовность официального Берлина стремиться к кооперативной, основанной на взаимном учете интересов системе безопасности на постсоветском пространстве.

Фактически едва ли не единственными элементами такой системы остались договоренности «Минск-2» (2015) и «Нормандский формат». На этом направлении, с одной стороны, в апреле 2021 г. ФРГ жестко критиковала усиление группировки российских войск на юго-западных рубежах РФ вдоль украинской границы, не принимая во внимание, что эти меры были необходимы для сдерживания официального Киева, готовившегося к силовой «разморозке» конфликта на востоке Украины. С другой стороны, как один из гарантов «Минска-2» Германия (как и Франция) проявляла заинтересованность в том, чтобы совместно с Россией продолжить работу по имплементации «пробуксовывающих» Минских договоренностей [Bundeskanzlerin Merkel..., 2021], несмотря на стремление властей Украины (уже при В. Зеленском) выйти из них. Этот факт особенно важен на фоне растущего – и отнюдь небеспричинного – скепсиса РФ в отношении перспектив диалога с ЕС и ведущими государствами Евро-Атлантического сообщества в целом (иллюстрацией чего является сохраняющаяся с 2014 г. неготовность ФРГ к «разморозке» формата межправительственных консультаций). Еще один позитивный факт – отсутствие роста объемов участия Германии в комплектовании группировок НАТО

(прежде всего сил передового развертывания), предназначенных для «сдерживания» РФ. В частности, для проведения крупнейших учений «Defender Europe» в 2021 г. не было выделено существенных боевых сил бундесвера [South, 2021].

Напротив, 18 марта 2021 г. ФРГ впервые объявила о планах по развертыванию своего военно-морского присутствия на Дальнем Востоке при поддержке со стороны Японии, Южной Кореи, Австралии [Ministerin..., 2021] и де-факто США. Несколько ранее были обозначены планы по проведению совместных учений с этими государствами [Positionspapier..., 2021, S. 3–6].

При этом 20 февраля 2021 г. на полях Мюнхенской конференции по безопасности А. Меркель заявила о необходимости выстраивания совместных стратегий для «сдерживания» России и Китая [Gemeinsame Strategien..., 2021]. А 7 марта 2021 г. издание «Die Welt» опубликовало намеренно осуществленную «утечку» из Министерства обороны ФРГ с детальным обзором и крайне негативной оценкой роста военной мощи не только РФ, но и КНР (в частности, упоминались китайские гиперзвуковые ракеты среднего радиуса действия, боевые дроны и растущий потенциал ВМС КНР) [Schiltz, 2021]. Все это свидетельствует о том, что Германия проявляет (хотя и в мягких формах) принципиальную готовность подключиться к созданию периметра «сдерживания» КНР, который стремятся выстроить США. Тем самым ФРГ выражает поддержку курса администрации Дж. Байдена (о чем не могло быть и речи в президентство Д. Трампа), одновременно осуществляя собственное политико-военное (и приобретающее антикитайскую направленность) проникновение на Дальний Восток. Однако готовность ФРГ к «сдерживанию» КНР – с учетом огромного объема германо-китайской внешней торговли – явно не столь велика, как в случае с РФ: в частности, маловероятно, что в среднесрочной перспективе Германия решится на «заморозку» формата межправительственных консультаций с официальным Пекином.

***

Пандемия COVID-19, с одной стороны, создала существенные препятствия для осуществления внешней политики ФРГ, с другой, – отвлекая внимание как международных игроков, так и германской общественности, предоставила определенные возможности для реализации намеченных планов. За исключением первой волны COVID-19 (март-май 2020 г.) политико-дипломатическая активность официального Берлина оставалась на достаточно высоком уровне.

В преддверии завершения «эры» А. Меркель официальный Берлин сконцентрировал свои усилия на самых проблемных и в то же время имеющих определенный потенциал развития направлениях. Совершенствование ресурсной базы велось прежде всего путем увеличения возможностей бундесвера – не только в количественном, но и в качественном аспектах (проведение учений по отработке элементов применения тактического ядерного оружия; продвижение вопроса об оснащении бундесвера боевыми дронами). На уровне Евро-Атлантического сообщества основное внимание уделялось «перезапуску» отношений с США (сразу после победы Дж. Байдена), а также углублению сотрудничества в рамках германо-французского тандема. За пределами «коллективного Запада» ФРГ резко повысила свою политико-дипломатическую активность по двум направлениям. Во-первых, в Северной Африке (через подключение к решению «ливийской проблемы» с одновременным наращиванием усилий в странах «Сахельской пятерки»). С учетом вывода контингента бундесвера из Афганистана высока вероятность дальнейшего роста политико-военного присутствия ФРГ как в Северной Африке, так и на континенте в целом. Во-вторых, в регионах постсоветского пространства (прежде всего в его западных и южных областях), а в ближайшей перспективе – на Дальнем Востоке. Поскольку ФРГ позиционирует себя как неотъемлемая часть Евро-Атлантического сообщества, неизбежен дальнейший рост напряженности в отношениях официального Берлина с РФ и КНР. Именно это станет главным препятствием для утверждения ФРГ в положении мировой державы в постпандемийном мире.

В целом в условиях пандемии COVID-19 Германия продолжала стремиться к осуществлению «стратегического броска» к положению мировой державы, однако его масштабы и скорость оказались существенно ниже планировавшихся изначально.

Литература

В США заявили, что пока не приняли решения по поводу вывода войск из Афганистана / ТАСС. – Москва, 2021. – 04.02. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10619393> (дата обращения: 20.11.2021).

Майя Санду объяснила слова о выводе российских войск из Молдавии // РБК. – Москва, 2020. – 30.11. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/30/11/2020/5fc4adb69a7947f6d2c8f8e0> (дата обращения: 20.11.2021).

Минобороны России вызвало военного атташе Германии / ТАСС. – Москва, 2020. – 23.10. – URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/9801899> (дата обращения: 20.11.2021).

Тихановская встретила с Меркель // Deutsche Welle. – Берлин, 2020. – 06.10. – URL: <https://www.dw.com/ru/tihanovskaja-vstretilas-s-merkel/a-55174652> (дата обращения: 20.11.2021).

Antrag der Bundesregierung : Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der durch Europäische Union geführten militärischen Krisenbewältigungsoperation in Mittelmeer EUNAVFOR MED IRINI / Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. – Berlin, 2020. – 22.04. – 8 S. – (Drucksache 19/18734). – URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/19/187/1918734.pdf> (date of access: 20.11.2021).

Antrag der Bundesregierung : fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support für die Ausbildung, Beratung und Unterstützung der afghanischen nationalen Verteidigungs- und Sicherheitskräfte in Afghanistan / Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. – Berlin, 2021. – 24.02. – 8 S. – (Drucksache 19/26916). – URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/19/269/1926916.pdf> (date of access: 20.11.2021).

Antwort der Bundesregierung auf die Kleine Anfrage der Abgeordneten Andrej Hunko, Heike Hänsel, Michel Brandt, weiter Abgeordneter und der Fraktion DIE LINKE : fortführung der militärischen EU-Mission EUNAVFOR MED IRINI / Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. – Berlin, 2020. – 06.08. – 12 S. – (Drucksache 19/21522). – URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/19/215/1921522.pdf> (date of access: 20.11.2021).

Auswärtiges Amt zum Bergkarabach-Konflikt / Auswärtiges Amt. – Berlin, 2020 a. – 17.10. – URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/aa-bergkarabach-konflikt/2406268> (date of access: 20.11.2021).

Auswärtiges Amt zu den jüngsten Entwicklungen in Mali / Auswärtiges Amt. – Berlin, 2020 b. – 08.10. – URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/-/2403726> (date of access: 20.11.2021).

Becker P. Bewaffnete Drohnen : politische, ethische und rechtliche Aspekten / Bundesministerium der Verteidigung. – Berlin, 2020. – 31 S. – URL: <https://www.bmvg.de/resource/blob/256260/1ba3548af0a6ab1c30acc865258a4283/dl-dr-peter-becker-debatte-bewaffnete-drohnen-data.pdf> (date of access: 20.11.2021).

Bundeskanzlerin Merkel spricht mit dem französischen Präsidenten Macron und dem russischen Präsidenten Putin / Bundeskanzleramt. – Berlin, 2021. – 30.03. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-spricht-mit-dem-franzoesischen-praesidenten-macron-und-dem-russischen-praesidenten-putin-1883190> (date of access: 20.11.2021).

Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem russischen Präsidenten Wladimir Putin / Bundeskanzleramt. – Berlin, 2020. – 18.08. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-te-lefoniert-mit-dem-russischen-praesidenten-wladimir-putin-1777836> (date of access: 20.11.2021).

Coordinated annual review on defence (CARD) / European defence agency. – Brussels, 2021. – URL: [https://eda.europa.eu/what-we-do/EU-defence-initiatives/coordinated-annual-review-on-defence-\(card\)](https://eda.europa.eu/what-we-do/EU-defence-initiatives/coordinated-annual-review-on-defence-(card)) (date of access: 20.11.2021).

Defence expenditure of NATO countries (2013–2020) : Communiqué / NATO, Public diplomacy division. – Brussels, 2021. – 16 p.

Dickstein C. Major US military units to leave Germany as part of large drawdown to begin within weeks, Esper says // Stars and Stripes. – Washington, DC, 2020. – 29.07. – URL: <https://www.stripes.com/major-us-military-units-to-leave-germany-as-part-of-large-drawdown-to-begin-within-weeks-esper-says-1.639217> (date of access: 20.11.2021).

Experten : Einsatz von Kampfdrohnen völker-recht-lich nicht verboten / Deutscher Bundestag. – Berlin, 2020. – 05.10. – URL: <https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2020/kw41-pa-verteidigung-790764> (date of access: 20.11.2021).

Gemeinsame Erklärung von Frankreich, Deutschland, Italien und Großbritannien zur Lage in Libyen / Bundeskanzleramt. – Berlin, 2020. – 23.11. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/gemeinsame-erklarung-von-frankreich-deutschland-italien-und-grossbritannien-zur-lage-in-libyen-1818802> (date of access: 20.11.2021).

Gemeinsame Strategien gegenüber Russland und China entwickeln / Bundeskanzleramt. – Berlin, 2021. – 20.02. – URL: <https://www.bundesregierung.de>

ng.de/breg-de/suche/gemeinsame-strategien-gegenueber-russland-und-china-entwickeln-1860302 (date of access: 20.11.2021).

Glatz R.L., Kaim M. Mandat verlängern – Abzug vorbereiten / Stiftung Wissenschaft und Politik. – Berlin, 2020. – 11.03. – URL: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2020A18/> (date of access: 20.11.2021).

Grundsatzprogramm für Deutschland / AfD. – Berlin, 2021. – URL: <https://www.afd.de/grundsatzprogramm/> (date of access: 20.11.2021).

Lacher W. Unser schwieriger Partner : Deutschlands und Frankreichs erfolgloses Engagement in Lybien und Mali // Stiftung Wissenschaft und Politik. – Berlin, 2021. – 26.02. – URL: <https://www.swp-berlin.org/en/publication/deutschlands-und-frankreichs-erfolgloses-engagement-in-libyen-und-mali> (date of access: 20.11.2021).

Major C., Schulz R., Vogel D. Die neuartige Rolle der Bundeswehr im Corona-Krisenmanagement // Stiftung Wissenschaft und Politik. – Berlin, 2020. – 18.06. – URL: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2020A51/> (date of access: 20.11.2021).

Meier O. Rüstungskontrolle jenseits des INF-Vertrags // Stiftung Wissenschaft und Politik. – Berlin, 2019. – 12.04. – URL: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2019A20/> (date of access: 20.11.2021).

Ministerin im Interview / Bundesministerium der Verteidigung. – Berlin, 2021. – 18.03. – URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/ministerin-im-interview-5041976> (date of access: 20.11.2021).

Permanent Structured Cooperation (PESCO) : projects / PESCO. – Brussels, 2021. – URL: <https://pesco.europa.eu> (date of access: 20.11.2021).

Positionspapier : Gedanken zur Bundeswehr der Zukunft / Bundesministerium der Verteidigung. – Berlin, 2021. – 8 S.

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Präsident Macron am 20. August 2020 / Bundeskanzleramt. – Berlin, 2020. – 20.08. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-praesident-macron-am-20-august-2020-1778928> (date of access: 20.11.2021).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Präsident Macron anlässlich des Deutsch-Französischen Verteidigungs- und Sicherheitsrates am 5. Februar 2021 / Bundeskanzleramt. – Berlin, 2021. – 05.02. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-praesident-macron-anlaesslich-des-deutsch-franzoesischen-verteidigungs-und-sicherheitsrates-am-5-februar-2021-1851512> (date of access: 20.11.2021).

Ryan M., DeYoung K. Biden will withdraw all US forces from Afghanistan by Sept. 11, 2021 // Washington Post. – Washington, DC, 2021. – 13.04. – URL: <https://www.washingtonpost.com/national-security/biden-us>

troop-withdrawal-afghanistan/2021/04/13/918c3cae-9beb-11eb-8a83-3bc1fa69c2e8_story.html (date of access: 20.11.2021).

Schiltz Ch.B. Verteidigungsministerium warnt vor Bedrohungen durch Russland und China // Die Welt. – Berlin, 2021. – 07.03. – URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/article227770275/Verteidigungsministerium-warnt-vor-Bedrohungen-durch-Russland-und-China.html> (date of access: 20.11.2021).

South T. Massive army-led NATO exercise Defender Europe kicks off // Army Times. – Springfield, VA, 2021. – 15.03. – URL: <https://www.armytimes.com/news/your-army/2021/03/15/massive-army-led-nato-exercise-defender-europe-kicks-off/> (date of access: 20.11.2021).

Telefonat von Bundeskanzlerin Merkel mit dem russischen Präsidenten Putin / Bundeskanzleramt. – Berlin, 2021. – 08.04. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/telefonat-von-bundeskanzlerin-merkel-mit-dem-russischen-praesidenten-putin-1886540> (date of access: 20.11.2021).

Telefonat zwischen Bundeskanzlerin Merkel und dem amerikanischen Präsidenten Biden / Bundeskanzleramt. – Berlin, 2021. – 25.01. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/telefonat-zwischen-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-amerikanischen-praesidenten-biden-1843056> (date of access: 20.11.2021).

Tull D.M. Operation Barkhane im Sahel // Stiftung Wissenschaft und Politik. – Berlin, 2021. – 20.01. – URL: <https://www.swp-berlin.org/publikation/operation-barkhane-im-sahel> (date of access: 20.11.2021).

Unterrichtung durch die Bundesregierung : bericht der Bundesregierung zur Lage und zum deutschen Engagement in Mali/Sahel : aktuelle Lage, Ziele und Handlungsfelder des deutschen Engagements / Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. – Berlin, 2020. – 25.03. – 20 S. – (Drucksache 19/18080). – URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/19/180/1918080.pdf> (date of access: 20.11.2021).

US-Amtskollege Austin zu erstem offiziellen Besuch bei Kramp-Karrenbauer / Bundesministerium der Verteidigung. – Berlin, 2021. – 13.04. – URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/us-amtskollege-austin-besuch-kramp-karrenbauer-5054716> (date of access: 20.11.2021).

Trunov Ph.O.¹, 2022

Germany's security and defense policy : transformation in the context of the COVID-19 pandemic

Abstract. *The COVID-19 pandemic has created significant obstacles to the implementation of national foreign policies, including the reduction of the resource base. This article analyzes the schemes and forms of government activities that can reduce the negative impact of the pandemic factor.*

The object of the study is the Federal Republic of Germany, which is currently at a turning point in its development: the end of A. Merkel's «era» (autumn 2021) is accompanied by a large number of unresolved foreign policy tasks that prevent Germany from establishing itself as a world power. The article provides a detailed overview of these tasks and the ongoing efforts to solve them, presented on a problem-geographic principle. Issues related to the restart of relations between Germany and the United States under the Biden administration, the FRG's involvement in building up the political and military potential of the EU, as well as the dynamics and nature of the FRG's dialogue with the leading European NATO member states – Great Britain, Italy and especially France – are analyzed in the context of the ongoing pandemic crisis. Particular attention is paid to the problems associated with deepening cooperation within the framework of the German-French tandem. The paper also explores the difficulties that have appeared during the pandemic and new opportunities for expanding the political and military presence of Germany in Libya, «G5 Sahel» countries, Syria and Iraq. The consequences that a decision of the United States to carry out the «deal» with the Afghan Taliban may have for Germany are analyzed. The FRG's attempts to strengthen its positions in the post-Soviet space and the Far East are presented in the context of deteriorating relations with the Russian Federation and China. In conclusion, an assessment of Germany's activity in the sphere of security and defense during the first year of the pandemic is given.

---

¹ **Trunov Philipp Olegovich** – Ph.D. in Political Sciences, Senior Researcher INION RAS (1 trunov@mail.ru).

Keywords: *diplomacy, Germany, Merkel, EU, NATO, Biden, France, Africa, Libya, Mali, post-Soviet space, Far East.*

References

Antrag der Bundesregierung : Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der durch Europäische Union geführten militärischen Krisenbewältigungsoperation in Mittelmeer EUNAVFOR MED IRINI. (2020) / Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. – Berlin. – 22.04. – 8 S. – (Drucksache 19/18734). – URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/19/187/1918734.pdf> (date of access: 20.11.2021).

Antrag der Bundesregierung : fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support für die Ausbildung, Beratung und Unterstützung der afghanischen nationalen Verteidigungs- und Sicherheitskräfte in Afghanistan. (2021) / Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. – Berlin. – 24.02. – 8 S. – (Drucksache 19/26916). – URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/19/269/1926916.pdf> (date of access: 20.11.2021).

Antwort der Bundesregierung auf die Kleine Anfrage der Abgeordneten Andrej Hunko, Heike Hänsel, Michel Brandt, weiter Abgeordneter und der Fraktion DIE LINKE : fortführung der militärischen EU-Mission EUNAVFOR MED IRINI. (2020) / Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. – Berlin. – 06.08. – 12 S. – (Drucksache 19/21522). – URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/19/215/1921522.pdf> (date of access: 20.11.2021).

Auswärtiges Amt zum Bergkarabach-Konflikt. (2020 a) / Auswärtiges Amt. – Berlin. – 17.10. – URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/aa-bergkarabach-konflikt/2406268> (date of access: 20.11.2021).

Auswärtiges Amt zu den jüngsten Entwicklungen in Mali. (2020 b) / Auswärtiges Amt. – Berlin. – 08.10. – URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/-/2403726> (date of access: 20.11.2021).

Becker P. (2020). Bewaffnete Drohnen : politische, ethische und rechtliche Aspekte / Bundesministerium der Verteidigung. – Berlin. – 31 S. – URL: <https://www.bmvg.de/resource/blob/256260/1ba3548af0a6ab1c30acc865258a4283/dl-dr-peter-becker-debatte-bewaffnete-drohnen-data.pdf> (date of access: 20.11.2021).

Bundeskanzlerin Merkel spricht mit dem französischen Präsidenten Macron und dem russischen Präsidenten Putin. (2021) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 30.03. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-spricht-mit-dem-franzoesischen-praesidenten-macron-und-dem-russischen-praesidenten-putin-1883190> (date of access: 20.11.2021).

Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem russischen Präsidenten Wladimir Putin. (2020) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 18.08. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-russischen-praesidenten-wladimir-putin-1777836> (date of access: 20.11.2021).

Coordinated annual review on defence (CARD). (2021) / European defence agency. – Brussels. – URL: [https://eda.europa.eu/what-we-do/EU-defence-initiatives/coordinated-annual-review-on-defence-\(card\)](https://eda.europa.eu/what-we-do/EU-defence-initiatives/coordinated-annual-review-on-defence-(card)) (date of access: 20.11.2021).

Defence expenditure of NATO countries (2013–2020) : Communiqué. (2021) / NATO, Public diplomacy division. – Brussels. – 16 p.

Dickstein C. (2020). Major US military units to leave Germany as part of large drawdown to begin within weeks, Esper says // Stars and Stripes. – Washington, DC. – 29.07. – URL: <https://www.stripes.com/major-us-military-units-to-leave-germany-as-part-of-large-drawdown-to-begin-within-weeks-esper-says-1.639217> (date of access: 20.11.2021).

Experten : Einsatz von Kampfdrohnen völker-recht-lich nicht verboten. (2020) / Deutscher Bundestag. – Berlin. – 05.10. – URL: <https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2020/kw41-pa-verteidigung-790764> (date of access: 20.11.2021).

Gemeinsame Erklärung von Frankreich, Deutschland, Italien und Großbritannien zur Lage in Libyen. (2020) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 23.11. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/gemeinsame-erklaerung-von-frankreich-deutschland-italien-und-grossbritannien-zur-lage-in-libyen-1818802> (date of access: 20.11.2021).

Gemeinsame Strategien gegenüber Russland und China entwickeln. (2021) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 20.02. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/gemeinsame-strategien-gegenueber-russland-und-china-entwickeln-1860302> (date of access: 20.11.2021).

Glatz R.L., Kaim M. (2020). Mandat verlängern – Abzug vorbereiten / Stiftung Wissenschaft und Politik. – Berlin. – 11.03. – URL: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2020A18/> (date of access: 20.11.2021).

Grundsatzprogramm für Deutschland. (2021) / AfD. – Berlin. – URL: <https://www.afd.de/grundsatzprogramm/> (date of access: 20.11.2021).

Lacher W. (2021). Unser schwieriger Partner : Deutschlands und Frankreichs erfolgloses Engagement in Lybien und Mali / Stiftung Wissenschaft und Politik. – Berlin. – 26.02. – URL: <https://www.swp-berlin.org/en/publication/deutschlands-und-frankreichs-erfolgloses-engagement-in-libyen-und-mali> (date of access: 20.11.2021).

Maia Sandu explained the words about the withdrawal of Russian troops from Moldova [*Maiya Sandu ob'yasnila slova o vyvoде rossiiskikh voisk iz Moldavii*]. (2020) // RBK. – Moscow. – 30.11. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/30/11/2020/5fc4adb69a7947f6d2c8f8e0> (date of access: 20.11.2021).

Major C., Schulz R., Vogel D. (2020). Die neuartige Rolle der Bundeswehr im Corona-Krisenmanagement / Stiftung Wissenschaft und Politik. – Berlin. – 18.06. – URL: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2020A51/> (date of access: 20.11.2021).

Meier O. (2019). Rüstungskontrolle jenseits des INF-Vertrags / Stiftung Wissenschaft und Politik. – Berlin. – 12.04. – URL: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2019A20/> (date of access: 20.11.2021).

Ministerin im Interview. (2021) / Bundesministerium der Verteidigung. – Berlin. – 18.03. – URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/ministerin-im-interview-5041976> (date of access: 20.11.2021).

Permanent Structured Cooperation (PESCO) : projects. (2021) / PESCO. – Brussels. – URL: <https://pesco.europa.eu> (date of access: 20.11.2021).

Positionspapier : Gedanken zur Bundeswehr der Zukunft. (2021) / Bundesministerium der Verteidigung. – Berlin. – 8 S.

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Präsident Macron am 20. August 2020. (2020) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 20.08. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-praesident-macron-am-20-august-2020-1778928> (date of access: 20.11.2021).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Präsident Macron anlässlich des Deutsch-Französischen Verteidigungs- und Sicherheitsrates am 5. Februar 2021. (2021) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 05.02. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-praesident-macron-anlaesslich-des-deutsch-franzoesischen-verteidigungs-und-sicherheitsrates-am-5-februar-2021-1851512> (date of access: 20.11.2021).

Ryan M., DeYoung K. (2021). Biden will withdraw all US forces from Afghanistan by Sept. 11, 2021 // Washington Post. – Washington, DC. – 13.04. – URL: https://www.washingtonpost.com/national-security/biden-us-troop-withdrawal-afghanistan/2021/04/13/918c3cae-9beb-11eb-8a83-3bc1fa69c2e8_story.html (date of access: 20.11.2021).

Schiltz Ch.B. (2021). Verteidigungsministerium warnt von Bedrohungen durch Russland und China // Die Welt. – Berlin. – 07.03. – URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/article227770275/Verteidigungsministerium-warnt-vor-Bedrohungen-durch-Russland-und-China.html> (date of access: 20.11.2021).

South T. (2021). Massive army-led NATO exercise Defender Europe kicks off // Army Times. – Springfield, VA. – 15.03. – URL: <https://www.armytimes.com/news/your-army/2021/03/15/massive-army-led-nato-exercise-defender-europe-kicks-off/> (date of access: 20.11.2021).

Telefonat von Bundeskanzlerin Merkel mit dem russischen Präsidenten Putin. (2021) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 08.04. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/telefonat-von-bundeskanzlerin-merkel-mit-dem-russischen-praesidenten-putin-1886540> (date of access: 20.11.2021).

Telefonat zwischen Bundeskanzlerin Merkel und dem amerikanischen Präsidenten Biden. (2021) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 25.01. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/telefonat-zwischen-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-amerikanischen-praesidenten-biden-1843056> (date of access: 20.11.2021).

The Russian Defense Ministry summoned the German military attaché [*Minoborony Rossii vyzvalo voennogo attashe Germanii*]. (2020) // TASS. – Moscow. – 23.10. – URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/9801899> (date of access: 20.11.2021).

The USA said that they have not yet made a decision on the withdrawal of troops from Afghanistan [*V SShA zayavili, chto poka ne prinyali resheniya po povodu vyvoda voisk iz Afganistana*]. (2021) // TASS. – Moscow. – 04.02. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10619393> (date of access: 20.11.2021).

Tihanovskaya met with Merkel [*Tikhanovskaya vstretilas' s Merkel*]. (2020) // Deutsche Welle. – Berlin. – 06.10. – URL: <https://www.dw.com/ru/tihanovskaja-vstretilas-s-merkel/a-55174652> (date of access: 20.11.2021).

Tull D.M. (2021). Operation Barkhane im Sahel / Stiftung Wissenschaft und Politik. – Berlin. – 20.01. – URL: <https://www.swp-berlin.org/publikation/operation-barkhane-im-sahel> (date of access: 20.11.2021).

Unterrichtung durch die Bundesregierung : bericht der Bundesregierung zur Lage und zum deutschen Engagement in Mali/Sahel : aktuelle Lage, Ziele und Handlungsfelder des deutschen Engagements. (2020) / Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. – Berlin. – 25.03. – 20 S. – (Drucksache 19/18080). – URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/19/180/1918080.pdf> (date of access: 20.11.2021).

US-Amtskollege Austin zu erstem offiziellen Besuch bei Kramp-Karrenbauer. (2021) / Bundesministerium der Verteidigung. – Berlin. – 13.04. – URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/us-amtskollege-austin-besuch-kramp-karrenbauer-5054716> (date of access: 20.11.2021).